

Утро следующего дня.

Когда школьное радио зазвучало, Юй Цинли поднялась с постели.

Хотя она двигалась легко и предельно осторожно, Линь Дун всё равно это почувствовала, но лишь зажмурилась и притворилась, будто ещё не проснулась.

После череды тихих шорохов Линь Дун услышала, как Юй Цинли тихонько замурлыкала под нос песню.

Она приоткрыла глаза и бросила взгляд в сторону зеркала.

Юй Цинли была не в том новом платье, но и не в своих привычных старых нарядах.

Она аккуратно зачесала волосы, и конский хвост падал на новое красное короткое пальто — судя по всему, с момента покупки его почти не надевали.

Из-под пальто выглядывала чёрная юбка, подол которой спускался до самых подколенных ямок.

Её икры были тонкими, длинными и крепкими.

Снаружи завывал осенний ветер.

— Братец Хаосюань, я уже слышу школьное радио, поднимайся скорее, — Ли Цыси открыла глаза, ощутив внизу живота давящие позывы, и добавила: — Поможешь мне дойти до туалета?

К тому же вчера они и правда легли поздновато.

Линь Хаосюань в это время всё ещё крепко спал.

— Чего это ты, на улице же ещё темно, — Линь Хаосюань протёр глаза и посмотрел на чернеющее за окном небо.

— Ой, ты подглядываешь за мной!

Линь Хаосюань поневоле был вынужден сесть и быстро одеться.

— Ух ты, Учитель Юй, редко когда увидишь вас такой наряженной, — с ухмылкой произнёс Линь Хаосюань.

Юй Цинли подошла, постучала в дверь и позвала: — Линь Хаосюань, вставай быстрее, опоздаешь на утреннюю зарядку — тебя заставят стоять и отбывать наказание на возвышении для почетных гостей, знаешь ведь!

Учитывая, с какой заботой Линь Дун относилась к Ли Цыси, Юй Цинли тоже отбросила враждебность по отношению к Линь Хаосюаню, и теперь переживала за его успеваемость больше кого бы то ни было.

Обычно в это время солнце ещё не показывалось, но небо уже серело. Сегодня же вокруг царила непроглядная тьма, от которой у любого пропало бы всякое настроение.

Юй Цинли вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, резко обернулась, схватила подушку и с краской смущения на лице швырнула её в Линь Дун.

Юй Цинли бросила на Линь Хаосюаня выразительный взгляд.

Линь Дун завороченно смотрела на её икры добрых полминуты, а её сердце отчаянно колотилось.

Когда она вывела Ли Цыси, то с первого же взгляда заметила преобразившуюся Юй Цинли. Та сидела на диване и ела сэндвич в пакете.

Юй Цинли топнула ногой и ничего не поделав вышла вон.

Линь Дун тихонько хихикнула и нырнула обратно под одеяло, боясь, что та заметит её покрасневшее от смущения лицо.

Линь Дун специально купила это угощение, чтобы они с Линь Хаосюанем позавтракали.

— А вот и не знаю, я же с ними не живу, — отмахнулся дежурной фразой Линь Хаосюань и, придерживая Ли Цыси, скрылся в туалете.

— Это что ещё значит? Я по-твоему обычно выгляжу уродливо? Вы, мальчишки, что, целыми днями за спиной надо мной смеетесь? Распускаете слухи?

А главное — они были потрясающе белыми.

Стекла в окнах шумно дребезжали от порывов ветра.

— Учитель Юй, Линь Хаосюань, когда будете выходить, не забудьте взять зонты. Я смотрела прогноз погоды, сегодня будет дождь, да притом сильный.

— Поняли.

Хотя Юй Цинли и ответила согласием, она всё равно забыла про оба зонта, оставшихся у двери.

Линь Хаосюань вышел из туалета, когда времени почти не оставалось. Он схватил с журнального столика два пакета с сэндвичами и сломя голову выбежал на улицу.

Час спустя утренняя зарядка закончилась, и на территории кампуса воцарилась тишина.

Из учебного корпуса доносилось звонкое чтение вслух.

Ли Цыси тоже принялась заучивать текст урока прямо в постели.

Линь Дун вышла из комнаты и, заметив, что оба зонта по-прежнему мирно висят за дверью, покачала головой: — Я так и знала, эти два разини ни один зонт с собой не захватили.

Ближе к полудену действительно зашумел ливень.

Линь Дун взяла два зонта и сказала Ли Цыси, сидевшей на диване в гостиной: — Если проголодаешься, похлебай пока супу, а я пойду за ними.

— Угу.

Ли Цыси посмотрела на стоявшую перед ней пиалу с супом и отозвалась.

Дождь лил как из ведра.

Студенты, оставшиеся без зонтов, в основном предпочитали добираться из учебного корпуса по крытой галерее до административного, а оттуда уже выбегали наружу и бегом неслись к большой столовой, которая находилась слева.

Линь Дун двинулась против людского потока и вошла в административное здание.

Учительские в Первой средней школе распределялись по параллелям, и преподаватели всех предметов одного года обучения сидели в одном очень просторном помещении.

У каждого был письменный стол на три персоны с выдвижными ящиками и шкафчиком, а на столешницах громоздились стопки книг, тестов, методических материалов и стояло несколько горшков с цветами.

В огромной учительской почти все разошлись, осталась лишь пара человек.

— Учитель Юй!

Линь Дун остановилась у входа и постула в дверь. Сидевшие внутри преподаватели обернулись и с любопытством уставились на нее, приняв за ученицу Юй Цинли.

— Иди сюда.

Юй Цинли повернулась и приветливо поманила Линь Дун рукой.

— Тётушка, а вы как тут очутились? — удивленно спросил Линь Хаосюань, поднимая голову из-за парты, на которой сидел. Кончик его ручки замер на листе с тестом по китайскому языку, а почерк был довольно аккуратным.

— Живо пиши свой тест, если не закончите, сегодняшнего обеда можете не ждать, — отчитала их Юй Цинли, и несколько парней вокруг разочарованно простонали.

— На улице ливень, я принесла вам зонты, — произнесла Линь Дун, останавливаясь перед столом Юй Цинли.

Эта знакомая обстановка на мгновение перенесла её в школьные годы: тогда она точно так же стояла перед Юй Цинли и смотрела на её улыбающееся лицо.

Шур-шур-шур!

— Я всё!

Линь Хаосюань размашисто вывел последние буквы, швырнул листок на стол Юй Цинли, выхватил из рук Линь Дун зонт и бросился к выходу.

— Придется еще немного подождать.

Юй Цинли посмотрела на оставшихся парней и виновато улыбнулась Линь Дун. Сама она тоже не сидела без дела — вооружившись красной ручкой, она увлеченно проверяла работы.

— Ничего страшного.

Линь Дун с улыбкой опустилась на стул.

Один из учителей, вернувшийся после обеда, бросил на Линь Дун мимолетный взгляд, а затем обратился к Юй Цинли: — Учитель Юй, из какого она у вас класса? Чего-то я раньше её не видел.

— Ученица? Ха-ха-ха...

Юй Цинли глянула на детское лицо Линь Дун и вдруг расхохоталась: — Ей уже за тридцать, какая она ученица. Впрочем, верно, кто заставляет эту девчонку выглядеть так молодо.

— С чего это мне за тридцать? Мне вообще-то восемнадцать, между прочим, — нарочито сурово запротестовала Линь Дун.

Эти слова окончательно сбили учителя с толку: он никак не мог взять в толк, сколько же лет стоящему перед ним молодому человеку — то ли за тридцать, то ли всё-таки восемнадцать.

К счастью, в этот момент остальные мальчишки наконец дописали тесты.

— Ну всё, пойдёмте.

Юй Цинли взяла Линь Дун за руку и направилась к выходу из учительской.

Старшеклассники всегда дорожили каждой секундой во время обеда, и к этому моменту они уже успели поесть в столовой, так что людской поток снова хлынул к дверям административного здания.

Линь Дун раскрыла большой и тяжелый красный зонт, без колебаний укрыла им голову Юй Цинли и шагнула навстречу толпе.

Впереди шла пара групп из класса Юй Цинли.

Увидев шествовавшую с высоко поднятой головой Юй Цинли, над которой кто-то держал зонт, они принялись вполголоса отчитывать зонтоносца: — Эй, это из какого класса вообще, настоящий подлиза!

Линь Дун не обратила на это внимания и уверенно шла вперед.

Миновав толпу, Юй Цинли подняла лицо и с улыбкой посмотрела на Линь Дун.

— Вдруг вспомнила, как в первом классе старшей школы во время дождя ты сняла джинсовую куртку и прикрыла ею мою голову от воды. Вокруг было столько народу, и столько людей тебя знали. Тогда, помимо чувства благодарности, я просто восхищалась тобой, Линь Дун. Ты была

такой храброй.

— Ха-ха.

Линь Дун тихонько усмехнулась: — Понятия не имею, наверное, я тогда слишком много дорам пересмотрела, в голове царил сплошной романтизм из сериалов. Попроси ты меня повторить это сейчас — ни за что не смогла бы, слишком уж приторно!

В ту самую секунду, когда эти слова сорвались с её губ, Линь Дун вдруг ощутила странную тоску.

Почему она теперь думает об этом именно так?

Ведь тогда, в шестнадцать-семнадцать лет, набросить куртку на плечи дорогого человека под дождем было поступком чистой искренности, в котором не крылось ни единой задней мысли.

Не было ни стыдно, ни приторно — всё происходило само собой, естественным путем.

Все теснение и робость юности в то мгновение просто перестали существовать.

Юй Цинли вгляделась в погрузневшее лицо Линь Дун и спросила: — О чём ты задумалась? Неужели считаешь себя прежнюю глупой?

— Я думаю о том, что стоит человеку повзрослеть, как он теряет свою наивность, верно?

Линь Дун заглянула в глаза Юй Цинли, полные нежности и печали...

<http://bllate.org/book/22064/2294311>